

ЯРОСЛАВ БОГДАНОВ

ЧЕЛОВЕК КАК ТЕКСТ

Ярослав Богданов

Человек как текст

«Автор»

2026

Богданов Я. В.

Человек как текст / Я. В. Богданов — «Автор», 2026

Человек оставляет за собой не только поступки, но и следы, слова, интонации, повторы, любимые обороты. Из этого, как из многослойного текста, и складывается личность. Идея проста и дерзкая: человека можно читать, а его судьбу можно понимать как текст, написанный биографией, культурой, телом и памятью. Эта книга связывает философию языка и герменевтику с нейронаукой нарратива, психотерапией и реальностью цифровой эпохи, где нас читают уже не только люди, но и алгоритмы. Автор размышляет о том, что именно в нас поддаётся “расшифровке”, а что упрямо не сводится к данным. Где проходит граница между прогнозом и пониманием. Кто автор жизненного текста, я сам, среда, случай, мозг. И что происходит с нашим “я”, когда тексты, переписки и цифровые следы начинают жить дольше тела. Книга будет близка тем, кому интересны сознание, язык, личность, психика, искусственный интеллект, этика цифровой памяти и тема посмертного продолжения человека в текстах.

© Богданов Я. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Человек как текст	6
Философские подходы к текстуальности человека	7
Нейронаука о текстуальности сознания	10
Последствия представления человека как текста	12
Связь подхода с искусственным интеллектом и машинным обучением	14
Текстуальность в языке. Диалогичность языка и ИИ: идеи Бахтина, Налимова, Библера в свете современных языковых моделей	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ярослав Богданов

Человек как текст

"Человек – это текст, судьба его – текст. У каждого свой стиль текстосложения, свой почерк. Анализ текстов человека позволит воспроизвести его не хуже, чем если бы мы знали код ДНК."

Профессор В.Р. Богданов

Человек как текст

Введение

Когда-то я подарил своему старшему сыну Андрею на день рождения книгу «Чистый код» Роберта Мартина. В моём поздравлении были такие строки: *«... Пусть каждая строка твоего кода будет чистой, плодотворной, последовательной. Всегда стремись к чистоте не только в коде, но и в мыслях, идеях, поступках. И да, мы тоже тексты, то есть коды. И у каждого из нас своя стилистика, интонация и даже ошибки. Но и ошибки могут быть чистыми. В этом, и многом другом, наша, и твоя, конечно же, уникальность. Пусть текст и код, который пишешь ты и в жизни и на экране монитора будут смелы, креативны, проникновенны. И пусть тебе всегда будет открыт самый чистый код – код Создателя. Вначале было слово! Бог – первый программист. Живи с Богом!...»*.

В этих строках звучит мысль о том, что тесты и коды можно увидеть везде в природе, мы сами начинаемся с алфавита генов и литературы признаков. Но продолжаемся куда более замысловатыми текстами.

Концепция «человек как текст» предполагает, что человеческая личность, сознание и опыт могут рассматриваться подобно тексту, который можно «читать» и интерпретировать. Иначе говоря, человек понимается как носитель смыслов и «написанных» кодов – культурных, языковых, биографических – подобно тому, как литературный текст содержит значения. Эта метафора уходит корнями в философские течения XX века, особенно структурализм и пост-структурализм, акцентировавшие всеобщую текстуальность мира.

Философские подходы к текстуальности человека

Идея текстуальности человеческого бытия оформляется во второй половине XX века в контексте так называемого «лингвистического поворота». В философии в этот период внимание смещается от абстрактных сущностей и «сознания вообще» к языковым структурам: высказываниям, текстам, дискурсам. Язык начинают рассматривать не просто как инструмент описания уже готовой реальности, а как среду, в которой эта реальность вообще становится для нас доступной. В аналитической традиции эту линию хорошо обобщает Р. Рорти в сборнике *The Linguistic Turn* (1), а в европейской – структуралисты, феноменологи и герменевты, по-своему радикализирующие мысль о том, что путь к пониманию сознания проходит через анализ языковых форм и текстов.

Структурализм

В структурализме человек и культура описываются как системы знаков, устроенные подобно языку. Клод Леви-Стросс в программной статье “*The Structural Study of Myth*” (2) и последующей серии работ показал, что мифы можно понимать как особый «язык», состоящий из минимальных смысловых единиц и устойчивых оппозиций. Миф здесь выступает как форма, в которой смысл уже отчасти «отрывается» от конкретной звуковой или образной оболочки и подчиняется скрытым структурам. Согласно Леви-Строссу, в основе любой культуры лежат такие структуры отношений и оппозиций, которые организуют мышление и поведение людей. В этом смысле человека можно «читать» через эти структуры: его мышление и социальные практики оказываются как бы заранее «написаны» по правилам культурного текста (мифологии, родственных систем, языка и др.).

Другой важный представитель структурализма, Ролан Барт, распространил понятие текста на самые разные явления культуры. В книге «*Mythologies*» (3) он показывает, как массовая культура, реклама и медиа создают современные мифы – вторичные системы значений, которые можно анализировать как текст (Barthes, 1957). Позднее, в эссе “*From Work to Text*” (Barthes, 1971) (4), Барт предлагает различать «произведение» и «текст»: произведение – это относительно законченный объект (книга, картина и т.п.), тогда как текст – открытый процесс смыслопорождения, в который вовлечены и автор, и читатель. Человеческая культура в этом ракурсе предстает не как набор закрытых произведений, а как бесконечное «поле текстуальности», в котором мы постоянно читаем, дописываем и переписываем смыслы.

Постструктуралистская критика

Постструктурализм радикализирует эту установку. Жак Деррида в книге ««*De la grammatologie*» (5) формулирует ставшее знаменитым выражение *il n’y a pas de hors-texte*, обычно переводимое как «нет ничего вне текста» (Derrida, 1967). В популярной интерпретации это звучит как отрицание реальности, но точнее понимать это так: у нас нет доступа к реальности иначе как через системы письма, языка и дискурсов. Любой опыт уже интерпретирован, уже включен в сеть «текстов». В таком понимании индивидуальное сознание оказывается не самодостаточным центром, а узлом пересечения культурных текстов, дискурсов и знаковых

практик. Наше «я» конструируется в этих пересечениях и не имеет простой, фиксированной внеязыковой сущности.

Языковая природа сознания

И структуралисты, и философы языка постепенно приходят к выводу, что сознание по своей природе глубоко языково и текстуально. Мартин Хайдеггер в "Письме о гуманизме" (6) формулирует мысль, ставшую афоризмом: «язык – дом бытия» (Heidegger, 1947). Это означает, что бытие открывается человеку через язык, а вне языкового измерения мира оно просто не артикулируется для нас как опыт. В этом русле развивается и идея о том, что мышление неразрывно связано со словами, рассказами, нарративами. Российский философ В. В. Богданов, анализируя обыденное сознание в информационную эпоху, подчеркивает, что оно оказывается буквально «пронизано» текстами – медийными, цифровыми, коммуникационными, и это уже не просто фон, а фактор экзистенциального самочувствия человека (7).

Параллельно в психологии и психолингвистике, начиная с работ Л. С. Выготского, показывается, что развитие мышления идет рука об руку с развитием речи. Внутренняя речь рассматривается как один из базовых инструментов сознания: мы планируем действия, удерживаем цели и рефлекслируем над собой именно в формах языковых структур (8). Если согласиться с тем, что все сколько-нибудь сложное мышление разворачивается в таких структурах, то возникает принципиальный вопрос: возможно ли, моделируя язык, моделировать и само сознание? Эта тема напрямую выводит к проблеме искусственного интеллекта, о чем будет подробно сказано в следующем разделе.

Нарративная идентичность

В современной философии и когнитивистике всё более очевидной становится мысль, что личная идентичность человека во многом носит нарративный характер. Человек осмысляет себя через историю жизни, которую рассказывает самому себе и другим. Герменевтическая линия, представленная, в частности, работами П. Рикёра, вводит понятие «нарративной идентичности» личности (9,10). Идентичность здесь понимается не как раз и навсегда данная сущность, а как результат непрерывной работы по собиранию и переосмыслению жизненных эпизодов в связный рассказ. Это создаёт важный мост к нейронаучным исследованиям нарративного сознания и к попыткам понять, каким образом мозг поддерживает эту «историю о себе», в которой мы живём.

Датаизм: человек как поток данных

Если структурализм и постструктурализм расширили понятие текста до культуры и самого опыта, то в XXI веке рядом с этим возник датаизм. Это технократичное мировоззрение, где реальность понимается как потоки данных, а ценностью становится их сбор и максимально эффективная обработка алгоритмами. Человек при таком взгляде превращается в узел передачи данных: биосенсор, который каждую секунду оставляет цифровой след. Юваль Ной Харари описывает датаизм как новую «религию данных», где главным критерием становится не смысл и не переживание, а предсказательная эффективность (75). Отсюда сдвиг в понимании текстуальности: тексты и вообще человеческая жизнь читаются не только людьми, но и алгоритмами. Переписка, поисковые запросы, лайки, геолокации, сон, пульс, покупки, интонации, всё это складывается в метатекст, пригодный для статистики и прогнозов. Но здесь есть риск опасной подмены: предсказание начинают считать пониманием. Алгоритм может точно угадывать

поведение, не “зная” смысла, ради которого человек живёт и делает выбор. Поэтому датаизм полезно держать рядом с философией текста как вызов: он показывает, как легко личность редуцируется до датасета. Тут возникает вопрос, есть ли связь между точностью прогноза и правдой о человеке?

Нейронаука о текстуальности сознания

Инсайты гуманитариев о текстуальности сознания за последние десятилетия всё чаще находят опору в данных когнитивной науки и нейронауки. Уже в рамках нарративной психологии подчёркивалось, что человек переживает свою жизнь не как набор разрозненных эпизодов, а как историю, в которой у него есть завязка, развитие, кризисы и развязки. Об этом, в разных акцентах, пишут Джером Брунер и Дэн МакАдамс, для них человек по сути живёт внутри собственного рассказа о себе (11,12). Современная нейронаука добавляет к этому физиологический слой: мозг можно описать как систему, которая непрерывно конструирует объяснения происходящему, то есть внутренние повествования, придающие опыту форму и смысл (14). Хорошую формулу этому даёт сценарный теоретик Роберт Макки: история не побег от действительности, а способ справиться с её хаосом и увидеть в нём порядок (13). Писатели и поэты давно интуитивно чувствуют, что жизнь просится в форму рассказа, и теперь к ним подтягиваются нейрофизиологи и когнитивисты со своими томографами и шкалами.

На этой почве в когнитивной психологии оформляется нарративная психология, которая прямо изучает, как человек собирает смысл своей биографии в форме рассказа. Дэн МакАдамс вводит понятие нарративной идентичности: личность понимает себя через историю жизни, связывающую прошлое, настоящее и воображаемое будущее (12). Нейронаучные данные аккуратно ложатся на эту идею. Работы по так называемому автобиографическому рассуждению показывают, что когда мы прокручиваем свою биографию, её повороты и возможные сценарии, у нас включается распределённая сеть областей, частично совпадающая с default mode network (DMN), сетью пассивного режима, которая особенно активна, когда человек не занят внешней задачей, а витает в облаках, думает о себе, о других и о будущем (15). Можно сказать, что DMN один из главных нейронных субстратов того, что гуманитарии называли нарративным сознанием.

Очень наглядно фигура внутреннего рассказчика проявилась в исследованиях Майкла Газзаниги на пациентах с расщеплённым мозолистым телом (split-brain). В экспериментах с такими пациентами он обнаружил в левом полушарии особый модуль, который получил название интерпретатор. Этот модуль, по сути, автоматический комментатор: он достраивает причинно-связные объяснения нашим действиям и переживаниям, даже если у него нет доступа к реальным причинам поведения (16). Интерпретатор конструирует для нас связную историю о самих себе, создавая ощущение непрерывного и цельного я. В этом смысле мозг выступает как рассказчик, а наше эго как главный персонаж, введённый в повествование, чтобы согласовать разрозненные фрагменты опыта. Такая перспектива заставляет по-новому взглянуть на свободу воли: возможно, наше чувство авторства это побочный эффект работы интерпретатора, а не доказательство существования автономного, надмозгового субъекта (17).

Помимо разделённого мозга, нейронаука детально изучает нарративную организацию памяти. Автобиографическая память устроена не как сырое хранилище эпизодов, а именно как сюжет: мы отбираем события, связываем их причинно и эмоционально, выделяем поворотные моменты и делаем из всего этого более-менее связную историю. Нейровизуализационные исследования показывают, что при воспоминании значимых эпизодов и размышлении об их смысле активируется сеть, включающая медиальные префронтальные зоны, заднюю поясную кору, гиппокамп и височные структуры, то есть те же компоненты DMN, которые участвуют в моделировании себя во времени (18). Получается, что мозг буквально пишет и переписывает текст нашей жизни, а сознание выступает одновременно и читателем, и редактором этого текста.

Нейролингвистика, живущая на стыке нейронауки и лингвистики, добавляет сюда ещё один штрих. В экспериментах с внутренней речью видно, что когда мы говорим про себя, акти-

вируются те же языковые и моторные области, что и при вслух произносимой речи, пусть и с меньшей амплитудой сигнала (19,20). Классические наблюдения за пациентами с афазией, начиная с знаменитого пациента Тан, описанного Полем Брока, показывают, что повреждения речевых центров приводят не только к потере способности говорить, но и к грубому дефициту сложных форм вербализованного мышления (21). Всё это ещё раз указывает: для рефлексивного сознания язык играет роль несущей конструкции, того самого каркаса, на котором держится наш внутренний сюжет.

Но есть ещё один неожиданный слой, который расширяет понятие текстуальности дальше внутренней речи, и даже дальше автобиографического нарратива. Речь о том, что языковой опыт может вмешиваться в организацию зрительных представлений объектов. В ряде нейровизуализационных работ структуру активности в вентральной затылочно-височной коре (вентральная система распознавания объектов) сравнивают с тем, как “представляют” те же объекты разные модели компьютерного зрения. И выясняется любопытное: модели, обученные на связке “картинка–текст” (то есть зрение, сразу привязанное к языковым описаниям), описывают паттерны представлений в этой зрительной системе лучше, чем модели чистого зрения без языковой компоненты. Более того, этот языково-семантический вклад выражен преимущественно слева, что рифмуется с левополушарной специализацией языковой сети, и зависит от сохранности связей между зрительной системой и семантическими узлами, которые обычно относят к языковому контуру. Когда эти связи повреждаются (например, после инсульта), “языково-подобная” структура представлений в зрительной системе ослабевает, а “безъязыковая” усиливается. В такой перспективе язык оказывается не просто инструментом описания увиденного, а фактором, который постепенно перенастраивает саму карту зрительных понятий, делает её более семантически организованной, ближе к миру значений, чем к миру чистых форм. (88).

Если собрать всё сказанное, современные данные когнитивной науки и нейронауки хорошо согласуются с метафорой «человек как текст». Мозг порождает нарративы, биологические тексты, благодаря которым мы переживаем себя как устойчивое я, находим смысл и протяжённость своего существования во времени. Язык выступает не просто оболочкой этого процесса, а одним из его механизмов: он поддерживает внутренний рассказ, организует рефлексивность и, судя по данным последних исследований, может проникать даже в такие базовые уровни опыта, как узнавание объектов. Тогда сознание можно представить как непрерывный процесс чтения и редакторской правки: мы снова и снова перечитываем собственную историю, что-то вычёркиваем, что-то дописываем на полях, иногда решаемся переписать целую главу. И, возможно, именно в этой способности к правке, к переописанию себя, к смене смысловой сетки и заключается практическая форма нашей свободы.

Последствия представления человека как текста

Рассмотрение человека в парадигме текстуальности тянет за собой далеко идущие последствия: это не безобидная метафора, а способ по-новому собрать воедино гуманитарное знание, нейронауку, этику и современные технологии. Ниже я кратко обозначу несколько линий, по которым метафора «человек как текст» меняет оптику: от научного исследования до психиатрической практики и цифрового бессмертия.

Эпистемологические и научные последствия

Если всерьёз принять, что человек это, среди прочего, набор текстов (биографических, культурных, телесных), то меняются и способы его исследования. Гуманитарные науки начинают твёрдое основание рассматривать биографии, формы поведения, артефакты как тексты, подлежащие интерпретации: историю жизни можно читать примерно так же, как роман, выстраивая сюжет, мотивы, символику. В социальных науках это выливается в бурный рост дискурсивных и нарративных методов: дневники, письма, посты в соцсетях используются как корпус текстов, по которым реконструируются идентичность и ценности их автора. В психотерапии это особенно заметно в нарративном подходе, где задачей становится «переписывание» жизненного текста пациента: человек вместе с терапевтом ищет другие сюжеты и точки сборки опыта, вырывается из навязанных ему проблемных историй. Классический источник здесь книга Майкла Уайта и Дэвида Эпстона (22), в которой прямо говорится о «ресториализации» (переписывания) жизни (жизнеописания) как о цели терапии. Даже в биологии аналогия с текстом оказывается плодотворной: геном упорно описывают как «книгу жизни», записанную буквами ДНК. Исследователи проекта расшифровки генома человека не раз говорили о том, что удалось открыть и прочитать эту книгу – об этом, например, напоминает анализ метафоры «книги жизни» в работах по социологии науки (23). Представление человека как совокупности текстов – генетического, психологического, культурного помогает биологам, психологам, антропологам говорить на близком языке кодов, текстов и информации. В то же время критики справедливо предупреждают о риске чрезмерной редукции: есть опасность, что живой человек растворится в схеме «информационного объекта», если забыть, что перед нами не только текст, но и мыслящее, страдающее, чувствующее, телесное существо.

Этические и экзистенциальные следствия

Если наше «я» это текст или набор историй, неминуемо возникает вопрос об авторстве и подлинности этого текста. Кто автор моей истории: я сам, культура, семья, случай, мозг? Для одних такая перспектива звучит как освобождение: раз нет жёстко заданного «ядра», значит, человек вправе переписывать себя, менять сюжет собственной жизни. Это созвучно экзистенциалистской интуиции: смысл не обнаруживается, а создаётся через выборы. Другие, напротив, видят в текстуализации угрозу релятивизма: если всё лишь текст, то понятия истины, подлинности, морали становятся подвижными, и всегда найдётся соблазн «переписать» мораль под свои интересы. Есть и вопрос ответственности. Если я – персонаж некоего нарратива, то кто отвечает за совершённые поступки: персонаж или автор? А если радикальный постмодерн говорит, что «текст сам себя пишет», то куда девать вину и заслугу? Современные нейробиологи ещё больше подливают масла в огонь: часть из них рассматривает чувство свободной воли как побочный эффект работы мозговых механизмов, а не как доказательство автономного субъекта. Дан Вегнер в книге «The Illusion of Conscious Will» подробно разбирает, как ощущение

ние «я решил и сделал» может быть сконструировано постфактум нашей психикой (25). Если всерьёз принять эту линию, возникает острый этический вопрос: в какой мере справедливо строго судить людей, если они, возможно, не столько «авторы», сколько носители реализующихся сценариев? В условиях общества знания сюда добавляется ещё одна тревога: широкая текстуализация жизни приводит к тому, что почти любая частная жизнь превращается в читаемый текст: данные соцсетей, истории поисковых запросов и т.д. Если человека воспринимать как текст, который можно анализировать и редактировать, неизбежно встаёт вопрос согласия: кто имеет право читать, интерпретировать и тем более переписывать мой жизненный текст без моего участия? Манипуляция массовым сознанием через медиа, навязывание готовых нарративов – это, по сути, насильственное внедрение чужих глав в нашу биографию.

Технологические и социальные следствия

В цифровую эпоху метафора человека-текста получает почти буквальное воплощение. Огромные массивы данных о каждом: посты, сообщения, лайки, время просмотра, геометки, складываются в «цифровой текст личности», по которому алгоритмы учатся судить о человеке. Исследования показывают, что по цифровым следам вроде лайков в соцсетях можно с высокой точностью предсказывать личностные черты, политические предпочтения и другие чувствительные характеристики (24). Для искусственного интеллекта человек становится текстом, который можно обработать, оценить и классифицировать. Алгоритмы рекрутинга читают резюме и цифровой след кандидата как текст и выносят решения; системы безопасности по «тексту» поведения пользователя строят скоринговые модели. Это даёт удобство и эффективность, но чревато двойной редукцией. Во-первых, личность сводится к тем параметрам, которые видит машина: всё, что не попадает в модель, словно выпадает из картины. Во-вторых, массовый сбор и хранение таких текстов создаёт серьёзные риски для приватности и права на забвение. Отдельная зона риска это так называемые технологии death tech, цифровые сервисы, обещающие «продлить жизнь» человека в виде чат-бота или аватара. Российское издание РБК Тренды в материале «Death tech: как технологии “оживляют” умерших» подробно описывает, как на основе переписки, голосовых записей и фото создаются цифровые копии умерших, с которыми родственники могут продолжать общаться (26). Фактически посмертный текст человека, его цифровой архив, становится сырьём для эмуляции личности. Юристы и исследователи цифровой памяти уже обсуждают, не нарушает ли это право на личную тайну и автономию умершего, если при жизни он не давал чёткого согласия на такое «оживление» (27). Здесь метафора «человек как текст» обретает максимально конкретный и одновременно тревожный смысл: мой жизненный текст может быть продолжен кем-то ещё и после моей смерти. В более широком плане слияние человека и текста в технологиях ведёт к появлению новых форм общения и культуры: «живых библиотек», где люди сознательно дают себя читать как книги; литературы и медиа, генерируемых на основе реальных биографий; образовательных практик, где обучение понимается как постепенное переписывание собственного когнитивного текста. Но чем дальше заходят эти практики, тем более актуальным становится вопрос: кто всё-таки держит в руках перо, которым пишется наша жизнь – мы, другие люди, алгоритмы или какая-то сложная связка из всех перечисленных?

Связь подхода с искусственным интеллектом и машинным обучением

Идея текстуальности сознания почти автоматически выводит нас к искусственному интеллекту. Если принять, что значительная часть человеческого мышления – это переработка символической, в том числе языковой информации, то модель мозга как «вычислителя текста» становится естественной отправной точкой для ИИ. Уже кибернетики и исследователи первых систем искусственного интеллекта в 1950–1960-е годы вдохновлялись лингвистикой и логикой: создавались правила грамматики, семантики, формальные языки, на которых машина должна была «думать» и общаться (40, 34). В наши дни эту линию радикально продолжили глубокое обучение и большие языковые модели (Large Language Models). Нейросети вроде GPT обучаются на гигантских корпусах человеческих текстов и демонстрируют способность генерировать связные, стилистически убедительные ответы на естественном языке. О масштабе этого скачка можно судить хотя бы по работе команды OpenAI по GPT-3 (29) и последующему техническому отчёту по GPT-4 (35): следуя статистике языковых паттернов, модель способна вести диалог, отвечать на вопросы, писать эссе и даже имитировать индивидуальный стиль. Для стороннего наблюдателя это выглядит как «текстовое мышление», хотя внутри, как мы знаем, работают матрицы весов и операции над векторами.

Философская подкладка у этой истории давняя. Ещё в середине XX века, на фоне развития компьютеров, в философии языка обсуждался вопрос: если сознание по сути своей языково, значит ли это, что достаточно реализовать правильную языковую программу, чтобы получить искусственный интеллект (40)? На знаменитую статью Алана Тьюринга о тесте «машина–человек» ответом стала критика Джона Сёрля с его мысленным экспериментом «китайская комната» (37), где он как раз показывает ограниченность чисто символического, текстового подхода: манипулировать знаками по правилам ещё не значит понимать их смысл. Современные дискуссии о больших языковых моделях во многом повторяют этот спор. Одни философы, вроде Дэвида Чалмерса, серьёзно задаются вопросом, можно ли при определённых условиях говорить о зачатках сознания (30), другие же видят в них лишь мощных «статистических попугаев», воспроизводящих формы языка без подлинного понимания (28).

С практической точки зрения человек, понятый как текст, оказывается во многом моделируемым. Если личность описывается через устойчивый стиль письма, характерные обороты, типичные реакции, то чат-бот может довольно точно продолжать этот стиль, а алгоритмы – предсказывать «следующий шаг» по прошлому тексту действий. Уже сейчас существуют системы, которые по переписке и поведению пользователя строят его психологический профиль, оценивают склонности, политические предпочтения, риски психических расстройств (32,41). Для ИИ человек в таком подходе – цепочка данных, которую можно продолжить «в том же духе».

Есть и обратное движение: искусственный интеллект становится инструментом интерпретации человека. Алгоритмы машинного обучения анализируют огромные корпуса текстов – книги, статьи, соцсети и вычленивают скрытые темы, тон, эмоциональные паттерны. По сути, это новая волна компьютерной герменевтики. То же самое переносится на «чтение» самого человека: программы распознавания эмоций анализируют мимику и микродвижения лица как текст выражений (33), системы анализа речи оценивают темп, паузы, подбор слов, делая выводы о состоянии и личностных чертах (36). С развитием мультимодальных моделей, объединяющих текст, изображение, звук и даже нейросигналы, ИИ учится читать более цельный «текст человека» – от внешности до биографии. Работы по декодированию намерений и образов из активности мозга с использованием современных моделей языка уже показывают, что по сигналам

fMRI можно восстанавливать приблизительное содержание услышанного или придуманного текста (39). Формально это всё те же данные, но к ним всё чаще применяются понятия чтения, толкования, сюжета.

Интересно, что метафора работает и в обратную сторону: сами процессы обучения моделей всё чаще описывают гуманитарным языком. Обучение нейросети на данных похоже на сложную интерпретацию корпуса: модель «читает» примеры и выводит из них общие структуры, как внимательный критик выводит темы и мотивы из романа. Исследователи говорят о «объяснимости» (explainability) моделей как о способности рассказать, какой «сюжет» признаков усвоил алгоритм и почему он принимает те или иные решения (31). Создание ИИ в этом смысле становится разновидностью письма: мы задаём архитектуру, подбираем данные, формулируем целевые функции и в итоге получаем текст поведения системы, который ещё нужно уметь читать.

При всём этом важно не перепутать уровни. Нынешние ИИ, какими бы впечатляющими ни были их текстовые способности, не обладают тем, что мы называем человеческим сознанием и самотождественностью. Они оперируют текстом формально: не переживают боль, вину, любовь, не имеют собственной биографии и проекта жизни. Об этом постоянно напоминают как инженеры, так и философы, подчёркивая принципиальную разницу между симуляцией и переживанием (28, 38). Связка «человек как текст» и ИИ остаётся предметом оживлённых споров: достаточно ли когда-нибудь будет научиться оперировать всеми текстами о человеке, чтобы «стать человеком», или для этого нужно нечто принципиально вне-текстовое – тело, уязвимость, опыт смерти и любви? Ответа у нас пока нет, но сами эти вопросы показывают, насколько глубоко цифровая эпоха втянула философию текста в разговор о будущем разума.

Текстуальность в языке. Диалогичность языка и ИИ: идеи Бахтина, Налимова, Библера в свете современных языковых моделей

Язык играет центральную роль в человеческом мышлении и коммуникации. С его помощью мы не просто передаём информацию, а формируем сам способ видеть и переживать мир. Не случайно Мартин Хайдеггер называл язык «домом бытия», подчёркивая, что именно в языке обитает наше понимание реальности (44). В том же ключе Людвиг Витгенштейн писал, что границы моего языка задают границы моего мира (49). По сути, мысль здесь проста и жестока: мы можем сколько угодно чувствовать и смутно догадываться, но по-настоящему работать с опытом начинаем только тогда, когда он обретает словесную форму.

В психологии и лингвистике связь языка и мышления давно стала одной из ключевых тем. Лев Выготский показывал, что мысль ребёнка вырастает из внешней речи, постепенно сворачивается и превращается во «внутреннюю речь» – диалог с самим собой, опирающийся на усвоенный в общении язык. Через язык ребёнок вращается в социальное пространство, осваивает готовые смыслы и учится строить собственные высказывания (47). В этом смысле наше индивидуальное сознание изначально социально: мы думаем голосами других людей, которые когда-то звучали рядом с нами.

Социальная природа языка проявляется и в коммуникации: язык не просто отражает уже готовые мысли, он рождает новые смыслы в процессе общения. Через речь люди не только выражают внутренние состояния, но и совместно конструируют понимание. На этом строятся и идеи диалога культур у М. М. Бахтина и В. С. Библера: язык – это не только инструмент отдельного сознания, но и среда существования коллективного интеллекта человечества (46). В контексте искусственного интеллекта это особенно важно, потому что способность работать с языком по-прежнему остаётся одним из главных критериев «интеллектуальности» системы. Уже Алан Тьюринг предложил проверять мыслительные способности машины через языковой диалог: если в переписке её нельзя отличить от человека, можно говорить об интеллекте (45). Появление больших языковых моделей вроде GPT-5 делает эту старую дискуссию о языке и мышлении совсем осязаемой: мы буквально разговариваем с моделями, которые порой пишут тексты не хуже многих людей.

Язык по своей сути диалогичен. Это одна из центральных идей М. М. Бахтина. Он подчёркивал, что любое слово всегда адресовано кому-то – реальному или предполагаемому собеседнику. Смысл высказывания рождается не в изолированной голове, а в пространстве между говорящим и слушающим. Бахтин писал, что не существует языка «вообще», отстранённого от говорящих: значимый язык – это всегда чей-то голос, обращённый к другому, даже если этот другой – внутренний адресат самого говорящего (42). Иначе говоря, всякая речь – это ответ на уже прозвучавшие слова и ожидание будущего ответа. Диалогичность видна в живом общении, дискуссиях, переписке, но она же сохраняется и во внутреннем монологе, который на самом деле тоже оказывается диалогом с воображаемым собеседником.

Философы диалога развивали эти интуиции. Мартин Бубер ввёл знаменитое различие отношений «Я – Оно» и «Я – Ты», где подлинный диалог понимается как встреча живых личностей, а не как обмен сигналами (43). В. С. Библер, опираясь на Бахтина, переносит принцип диалогичности на уровень культур и систем мышления. Он говорит о «школе диалога культур», где разные культурные миры и формы знания вступают в разговор друг с другом и за счёт этого развиваются. Человек, по Библеру, становится субъектом мышления только вступая в диалог: с другим человеком, с самим собой, с культурным наследием, с природой, с Богом (46). Диалог оказывается не надстройкой над уже готовым разумом, а условием его формирования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.